

Сергей Ильичев

Наш колхоз

Издательство "Написано пером"

Сергей Ильичев

Наш колхоз

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10597705

*Наш колхоз. Современная проза/ С. Ильичев: ООО "Написано пером"; С-Петербург; 2015
ISBN 978-5-00071-287-0*

Аннотация

Книга «Наш колхоз» повествует о событиях, происходящих с героями во второй половине эпохи Н.С. Хрущева и начале времён Л.И. Брежнева.

Речь идет об одном из небольших колхозов и совершенно неожиданных событиях, в водовороте которых оказался его председатель.

Порядочность героя смешивается с лукавством, когда ради выполнения нереального плана приходится торговаться с совестью.

Главный герой книги, это скорее, типичный человек системы того времени, удачно и правильно, с пониманием дела вписавшийся в эту систему. Интуиция и умение главного героя опережать события, стали посылком двух совершенно неожиданных карьер, как его собственной, так и простого парня-колхозника, таланту которого он открыл двери в большую жизнь, и различных событий вокруг этого.

Есть и смешные моменты из деревенской жизни и драматические и те, которые наводят на раздумья.

Сергей Ильичев

Наш колхоз

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения правообладателя.

© С. Ильичев, 2015

© ООО «Написано пером», 2015

* * *

Вечер. В клубе колхоза «Новый путь» горел свет. За столом сидели бабы и тихонько пели. Одна из баб, одетая в пёструю жилетку, запевала высоким голосом, остальные подхватывали. Зазвучала песня о странном молодом человеке, приславшем два каких-то несуразных письма, где в каждой строчке были только точки. «И х... то ж яво знае-е, на што он намякае-е-е?» То ли неграмотный, то ли написал шрифтом Брайля, да кто ж его разберет. Затем полилась следом другая песня. Эта песня была о солдате. Судя по ее словам, солдат был редкостным паразитом, нашедшим на далекой чужбине новую девушку. Вот и сейчас он, наверное, стоит на своем посту, а новая подруга – злодейка – принесла ему полный горшок свеженатое козьего молока. Солдат приставил к тоненькой березке свое ружье и, запрокинув горшок, пьет захлеб молоко большими, жадными глотками. Подруга же смотрит на него влюбленными глазами, увлеченно рассказывая о своей козе Муське. А в это время коварный враг тихо подбирается к ружью. Осторожно, солдат! Однако солдат вовремя заметил врага, кинулся к ружью и смело закричал, что есть мочи: «Стой! Ни с места!» Враг испугался и пустился наутек. Новая девушка стала еще крепче любить солдата за этот подвиг, а паразит-солдат и вовсе забыл свою бывшую девушку-колхозницу, заставляя ее, бедную, страдать и горько плакать, спрятавшись от злорадных людских глаз за сгнившим колхозным сараем.

Бабы развернули сверток, достали сыр. Начали отщипывать по кусочку и есть. Весь клуб заполнил такой ядреный, кисловато-резкий запах самодельного домашнего сыра, что хоть нос затыкай!

Затянули новую песню про внезапно подобрившего барина, положившего глаз на простую деревенскую девушку. У барина просто голову снесло. Барин ждет очередного праздника, чтобы сунуть ей новый подарочек, а ей, глупой, не понять не только то, что он от нее хочет, но еще и то, как всякими этими пудреницами и прочими другими подарочками пользоваться. А барин уж и так и эдак... ну совсем извелся бедолага!

Неожиданно затурукуал мотор подъехавшего председательского газика и затих. Отворилась дверь. В клуб вошел председатель в начищенных до блеска хромовых сапогах, в галифе, потертом длиннополом коричневом пиджаке и в шляпе. В правой руке он нес своего вечного спутника – портфель из черной кожи в пупырышках. Этот пупырчатый портфель навеивал мысль, что тот, кто его сшил, истратил добрую сотню жабьих шкурок.

Брови председателя нахмурились.

«О каком барине поем? Что это за такие буржуазные песни раздаются в нашем красном уголке? Где завклубом?!»

Как по команде, возник Афанасий Савелич.

«Василь Кузьмич, я это... не того, не разучивал с ними эту песню...! Я это... не пел! Они это... сами... понимаете!»

«Ай, прядатель ты, прядатель! Кто же, как не ты, сейчас подвывал тут нам? Аж слезу пустил!», – укоризненно кивая кудрявой головой, нараспев резанула Тамарка-черная. «Культуру тут несет в массы, а? Полюбуйтесь на него! Залил глазищи-то еще с утра! И знай, бегаёт в кабинет добавляет!»

«Савелич, ты это... куда смотришь?», – взвизгнул председатель, – «нас с тобой под статью подводишь?!»

«Вот сейчас бумагу напишу... В район напишу!» Председатель покосился на свой портфель. Савелич подскочил к бабам и что было сил рывкнул:

«Бабоньки! Подрывную антисоветскую деятельность немедленно прекратить! А то... ну этот... как его... милиционер из района приедет! Заберет!»

Председатель повел носом, покосился на стол.

«Что жуем?»

«Сыр», – спокойно ответила женщина в пестрой жилетке.

«В нашей сельповской лавке сыра отродясь не было! Где взяли?»

Женщины молчали, потом кто-то из них захихикал. Председатель зашел в кабинет к Савеличу. Минут через пять вышел, морщась и фыркая с раскрасневшимися щеками.

«Где взяли сыр, говорю?»

Одна из женщин, молча отломив кусочек сыра, протянула его председателю. Председатель, недоверчиво понюхал, потом пожевав сыр, проглотил кусочек. Взял еще. Подобрел. Теперь покраснели у него уже не только щеки, но и уши, и, вообще, все лицо. Красными сделались даже руки. Нос отяжелел и сначала побагровел, а потом приобрел фиолетовый оттенок, став похожим на огромный перезревший баклажан. Если бы к его лицу сейчас кто-нибудь поднес самокруточку с махорочкой, то, наверное, можно было бы даже прикурить. На глазах председателя выступили слезы. Потек нос. Председатель, вытерев нос рукавом, крикнул. После чего он так тяжело вздохнул, что могло бы показаться, будто этот человек только что закончил выгрузку вагона угля в одиночку, установив новый трудовой рекорд.

«Бабоньки», – отдышавшись обратился он, – «Что я вам хочу сказать... Вот давайте-ка вместе возьмем подумаем, покумекаем такую штуку: в стране, значит, полным ходом растет урожай. Все вывешивают всякие там плакаты и прочие транспаранты. Под девизами и лозунгами там разными работают! Давайте-ка и мы с вами загогулим... а точнее, выдвинем какой-нибудь лозунг! Самый-самый правильный лозунг! И отправим в район! Если наш лозунг окажется лучшим, это может стать очень даже важным показателем в соревновании колхозов нашего района».

Председатель на задумки был горазд. Вот и на этот раз у него была своя идея. Зная наперед, что урожая толком никакого нет и не будет, можно было бы удачно отличиться каким-нибудь лозунгом или стать инициатором какого-нибудь почина. А на этом можно было неплохо выехать. Быть на виду, быть инициатором, это значит получить охрannую грамоту, а если что не получится с урожаем, так можно и на погоду, если не на погоду, так на тлю или саранчу списать. А можно и с честью отчитаться перед районным начальством за перевыполненный план. Для этого нужно договориться с начальством районной заготконторы «Плодоовощ». Если им маленько подкинуть на лапу, то они подпишут накладные на сдачу урожая государству с какими нужно цифрами. Все равно сгноят. Исправно гноить урожай они умеют в любом количестве, и, что характерно, им все равно все сходит с рук. Сданные корнеплоды, яблоки и ягоды все равно всю зиму будут храниться в холодных неотопливаемых складах. Будут грузить, что получше, в вагоны. За остальным будут приезжать машины и потихоньку куда-то все это перемороженное и гниющее добро увозить. Говорят, что-то из сгнивших ягод увозят на пивной завод в соседний райцентр на лимонадное производство. Правда, таким количеством произведенного лимонада из сгнивших яблок и ягод можно было бы заполнить канал между водохранилищами в соседних областях от шлюза до шлюза.

Вообще, в «Плодоовоще» народ работает зажиточный. У заместителей директора по машине «Победа», а сам директор разъезжает на «Волге» и носит дорогие фетровые бурки. Говорят, что у него даже телевизор КВН есть с большим увеличительным стеклом, заполненным глицерином.

* * *

Самая шустрейшая из баб, Верка, почувствовав, что наступает её звездный час, выпалила свой вариант лозунга:

«Даешь большой покос!»

«Эх, Верка, Верка! Да не покос, а укос уж тогда!», – с укоризной сказал председатель. – «Одним укосом, правда, не отработуешь, а тем более покосом твоим сыт не будешь! А где пшеница? Где брюква? А где надои?»

«А может, даешь красные надои?», – тихим грудным голосом спросила тетя Маня.

«Ну вы, бабоньки, уж сказанете, так сказанете! У вас всех одно слово, «даешь», понимаешь, в голове! А по поводу твоего, баба Маня, лозунга я скажу: не годится твой лозунг! Сегодня красный покос, завтра – красный понос, а после завтра красные надои... а там, понимаешь... и падеж скота произойдет! Какая же здоровая скотина будет доиться красным молоком? А там, глядишь, и приедут... За всеми нами приедут! И заберут! Не доглядели, скажут за колхозной скотиной!»

«А может быть, нарисует какой-нибудь плакат?», – предложила тетя Саша Митькина.

«И что же мы эдакое нарисует?», – поинтересовался председатель.

«Ну, например, буханку хлеба, рядом сноп колосьев, и все это завернуто в красный кумач. На кумаче надпись ««Вот тебе, страна!»», – с горящими глазами от своей же идеи, клятвенным голосом сказала тетя Саша.

«Никаких красных покосов и навозов! Никаких завернутых во всякие там красные тряпки буханок! Забудьте про этот дурацкий красный цвет!» – Неожиданно председатель понял, что по поводу красного цвета ляпнул что-то не то... Хмель прошел в одно мгновение. Раскрасневшиеся уши председателя вдруг резко побледнели. Спала краснота со щек и носа, и вообще, как-то быстро нос обрел свою первоначальную форму, уменьшившись раза в два как минимум.

«Я, бабоньки, имею в виду это... ну как бы сказать... В общем, не надо все подряд красным цветом красить!»

Немного подумав, председатель решительно сказал:

«Вот что, хватит тут вашими глупостями морочить мне голову! Давайте-ка через неделю соберемся всем колхозом в нашем клубе и каждый пусть выскажет свой лозунг! Лучший выберем и пошлем в район! А того, кто такой лозунг придумает, в качестве поощрения на один день в город отправим! Савелич! Сегодня же напиши и развесь объявления! На всех видных местах развесь!»

Схватив портфель, председатель вышел, тихо закрыв дверь.

Бабы начали обсуждать идею председателя:

«Конечно, в райцентр было бы неплохо съездить», задумчиво сказала Валька Павлушкина. – «Прибарахлиться бы не помешало... Деньжат, правда, нема. Но не беда. Уже яблочки поспевают, смородинка есть, морковочка ранняя... чистенько помыть... продать можно. В райцентре люди купят! Вот и денежки будут. А там кастрюлечку эмалированную можно купить, рейтузики, кофточку какую!» Бабы задумались. Больше вслух никто свои задумки о лозунге не говорил. Каждая стала сочинять свой лозунг втихаря, надеясь на свою победу.

После клуба председатель сразу же двинулся на край деревни к приземистому хлевушке. Была у председателя ещё одна задумка, которой он не делился ни с кем.

Телятник дед Микич был приставлен к теленку Николке на неусыпное дежурство. Четыре месяца назад колхозная корова по кличке Жнейка отелилась, принесла странное чудо: это был бычок, который в первый же день своей жизни продемонстрировал язык такого размера, что не у каждой взрослой коровы есть. Мало того, помимо двух шишечек на голове, откуда должны будут проклюнуться рожки, ближе к носу, была еще и третья, откуда даже раньше нормальных двух полез третий рог. При кормлении Николка забавно закатывал глаза, сверкая белками и смешно вертел ушами, именно не хлопал ушами, как все быки или коровы, отгоняя мух, а вертел. При всех своих забавных свойствах, была у Николки одна серьезная проблема. Он ни в какую не вставал на ноги. Пытаясь встать, Николка поднимал задними ногами свою задницу, а вот когда он пытался распрямить передние ноги, задние складывались. Несколько раз Микич, подшлепывая Николку, пытался заставить его подняться, но из этих попыток с завидным постоянством выходила очень забавная штукавина: Теленок вдруг, скользя копытами по своему навозу, садился на задницу, и мог так очень долго сидеть, как цирковой лев на тумбе.

Появление Николки на свет было связано с интересной историей. Колхозная корова Жнейка вдруг загуляла. Да загуляла не на шутку, начав неистово искать и требовать быка. Жнейка орала, как труба, прыгая на всех, кто ей попадался на пути. Это были все другие коровы, а однажды на свою беду в поле зрения обезумевшей Жнейки оказался и пастух Федор Иванович. Подбежав к пастуху сзади, Жнейка, встав на задние ноги, всей своей тяжестью обрушилась на несчастного девяностолетнего старика, едва не сломав Федору Ивановичу хребет. Заохав от боли, Федор Иванович упал на землю, а Жнейка продолжала носиться по пастбищу, разогнав все стадо. Быков не было ни в колхозе, ни у соседей. Самый главный партийный начальник района, товарищ Федоров, рвался перейти на работу в область. Чтобы повысить показатели по сдаче мяса, он спустил в колхозы просто какой-то несусветный план. Для выполнения этого дурацкого плана, колхозы в районе начали подчистую сдавать на бойню все, что можно было сдать, включая быков-производителей, надеясь, что хоть в соседних колхозах кто-то бычка оставит. Понадеявшись на соседей, в итоге все колхозы и совхозы района остались без быков. Коровы одна за другой, бесились неогулянные, но деваться было им некуда, и они оставались яловыми. Яловая корова, хоть и доится долго, но если не отелится, давать молока она все равно когда-нибудь перестанет. Как потом план по молоку выполнять?

Недолюбливающие друг друга председатели колхозов и директора совхозов за всякие там почины, инициативы и прочие гадости, из-за которых потом район никому житья не давал, начали ездить друг к другу в гости с бутылкой и как бы между делом узнавать, не затерялся ли у кого бычишка какой, хоть заморыш, и такой бы сгодился. Может, у кого из колхозников в подворье есть? Не тут-то было. Всех быков в районе как корова языком слизала.

Поносившись по пастбищу и не найдя быка, неудовлетворенная Жнейка рванула в сторону леса и... потерялась. Лесной массив был огромный. Лес плотный и очень темный. Когда местные ходят по грибы, их жуть берет. Глубоко и не заходят даже. Заблудиться в этом лесу слишком просто и очень страшно. До ближайшего села за лесом верст двадцать пять будет. Сколько Жнейку-беглянку ни искали, ни звали – так и не нашли. Где в таком лесу искать! Самим бы не потеряться.

Председатель ходил расстроенный. Доложить в район о потере колхозного имущества в лице аж целой коровы он не рискнул. Доложи попробуй, тут же, глядишь, и с ревизией приедут, а это очень плохо. По отчетам мы передовой колхоз, а проверят?... Из двух тракторов ДТ-14 за весь сезон один так и не завелся. Сколько в РТС не обещали, так новую форсунку и не прислали. Пришлось лошадьми поля вспахивать, даже несколько коров запрягли, да куда там с трактором тягаться!

* * *

Через неделю, потрепанная и отошавшая Жнейка неожиданно вернулась в стадо. Председатель не мог сдержать радости. Хотя и было раннее утро, он довольно хорошо подвыпил и ходил веселым. Он тогда еще не знал, что будет дальше. Жнейка забрюхатела. Вот радости-то было. Правда не понятно, от кого? Быков в районе нет. Может лось в лесу покрыл? Ну, не бегемот же!

«Ничего, подождем, кого-то да отелит!», думал председатель.

При отеле Жнейки во хлеве оказался только колхозный телятник дед Микич. Хорошо, хоть он был на месте. Теленок выходил неправильно и застрял, Жнейка измучилась, Микич, надев петлю на появившуюся из коровьего чрева ногу, начал тащить теленка. Взмок, но вытащить никак не получалось. Как раз в это время во хлев заглянул председатель. Вдвоем сладили и теленок, разорвав все что можно у Жнейки, шлепнулся на пол и наконец-то увидел свет. Пока Жнейка облизывала своего детеныша, председатель с Микичем вытирали пот со лбов. Теленок был очень странного вида. Голова с клиновидной верхней губой, которой-то и нет совсем у коров, совсем была непохожей на телячью. Да и уши как-то низко были посажены. Увидев, какое чудовище принесла Жнейка, председатель решил на другое же утро перегнать Жнейку и перевезти ее теляти в отдельный заброшенный на краю деревни хлевок, а Микичу быть только при них и о теленке помалкивать.

* * *

«Ну, доложи, Микич, как там вверенный тебе объект?»

Задремавший Микич подскочил, вытянувшись в струнку:

«Василь Кузьмич, растет наш Николка! Вот, какой большой-то уже!»

Председатель подошел к лежащему на боку Николке, похлопал его по боку. Неожиданно Николка закатил глаза и, быстро высунув свой длинный язык, лизнул галифе председателя, как следует его ослюнявив. Председатель отскочил, как ошпаренный и, схватив солому с пола, начал тут же вытирать галифе, только еще хуже размазав слюни. Завтра ехать в район. В таком галифе уже не поедешь, нужно срочно бежать домой, застирать штанину и попробовать до утра высушить. Если не получится, придется одеть брюки-дудочки, а их председатель не любил, чувствуя себя в них не в своей тарелке.

Гораздый на выдумки председатель, рассмотрев как следует Жнейкиного чудо-теленка, смикнул, что этот уродец может еще пригодиться. Пусть подрастает.

* * *

В Москве на Сельхозвыставке любили показывать всякие диковинные экспонаты. Побывав там однажды в составе областной делегации, председатель был весьма удивлен увиденным. Впечатлила облепленная со всех сторон маленькими поросятами свиноматка огромных размеров, весом, наверное, не меньше полутонны. Были там гиганты кони-тяжеловозы, коровы, ростом выше двух метров, рядом с которыми стояли по четыре ведра-подойника полных молока суточного удоя и наоборот, какие-то слишком низкорослые коровенки. Были какие-то огромные бараны с неестественно толстослойной плотной шерстью, будто одетые в шубы. Были там и огромные, как корабли, верблюды, были кролики, размером с добрую дворнягу. А колоски у какого-то нового сорта пшеницы были такие длинные, что казалось, они начинаются чуть ли не от земли. Выставочный лектор рассказывал о небы-

валых достижениях нашей самой передовой в мире сельхознауки, часто особо упоминая и подчеркивая великие заслуги некоего выдающегося сельхозакадемика Тараса Дорофеевича Лысюка. Говорил лектор и о грядущем массовом племенном разведении самых лучших, элитных коров, свиней и овец, о постоянном наращивании семенного фонда самых урожайных в мире сортов пшеницы, овса, кукурузы и ячменя. Какой-то загорелый колхозник с кавказским акцентом из Ставрополя в соломенном картузе задал лектору вопрос о том, когда же в колхозы начнет поступать элитный племенной скот и семена лучших в мире по урожайности сортов зерновых культур. Лектор, как заученное отчеканил, что пройдет совсем немного времени, и посланные партией эшелоны с лучшим в мире племенным скотом и элитным семенным фондом зерновых, бобовых и овощных культур отправятся по всем краям и областям, городам и весям, высоко неся знамя наших сельскохозяйственных достижений и побед. Больше того, благодаря нашему неустанному, героическому, самоотверженному труду вкупе с выдающимися достижениями нашей самой передовой в мире сельскохозяйственной науки, под мудрым руководством нашей партии родной, мы сможем прокормить не только себя, мы сможем еще прокормить все братские народы Индокитая, Азии, Африки и латиноамериканских государств! Мы должны понимать и знать, что все мы интернационалисты! И когда садимся за стол обедать, никогда не должны забывать о том, что другие народы недоедают, недопивают и недосыпают. Загорелый ставрополец не унимался. Он задал вопрос лектору о том, почему же эти братские народы не доедают, когда при их теплом климате можно было бы собрать, по его прикидке, три урожая в год уж точно. Лектор начал сетовать на то, что у них плохо обстоят дела с семенным и племенным фондом, что нет такой, как у нас, самой революционной в мире партии, нет такой, как у нас, самой передовой сельскохозяйственной науки. А голод и неурожайность в этих странах являются теми бедами, которые приносят происки идеологов империализма, вынашивающих в своих головах коварные планы, направленные против всего прогрессивного человечества.

Кто-то из стоящих рядом с дотошным ставропольцем предложил ему в компании с ним сходить выпить пивка в близлежащий павильон. После этого на всех оставшихся экскурсиях и мероприятиях любознательный ставрополец так и не появился.

* * *

Впечатленный выставкой председатель задумал вырастить из Николки уникальный экспонат для Московской сельскохозяйственной выставки. Трехрогий бычок, сидящий на заднице, как лев на тумбе, это, наверное, было бы интересно. Такое чудо могло бы произвести большое впечатление. Может быть, сам Тарас Дорофеевич приедет. Уж он-то этим экспонатом точно заинтересуется. Может даже и приобретет для опытных нужд своей Сельхозакадемии. Вот и деньги какие-то для колхоза будут. А может быть, какую-нибудь медаль дадут, а то и орден. От такой сладкой мечты председатель даже глаза зажмурил.

* * *

Были у председателя колхоза два доверенных непьющих человека. Учетчик Илья Палыч и счетовод Мирон. Чтобы решать вопросы с районом, председателю нужна была левая наличность. Для этого, как только начинали созревать ранние овощи, ягоды и яблоки, кто-то из них, с нагруженной под завязку конной телегой отправлялся в райцентр на рынок. Торговали Мирон и Илья Палыч, как частные лица, якобы вырастившие урожай на своих огородах. Ездили торговать по очереди, чтобы не примелькаться местной милиции, совавшей везде свой нос. Дня за два, а при удачном раскладе и за день, телегу можно было и распродать.

* * *

На краю деревни стоял дикий ор. Жена председателя, здоровенная Валька с огромными крестьянскими ручищами, орала, как резаная, на мужа за то, что он очередной раз пришел домой навеселе. Своей Вальки председатель боялся как огня. Обычно в таких случаях Василий Кузьмич уходил в свою комнатку, ложился на кровать и ждал, когда жена, выоравшись как следует, безнадежно махнет рукой и уйдет спать. Тут, наконец-то Василий Кузьмич проберется на кухню, и тихонечко, не гремя посудой, поужинает. Потом допоздна будет возиться с галифе и рубашкой. Каким бы Василий Кузьмич ни пришел домой, в район он поедет чистенький, во всем постиранном и наглаженном.

* * *

Молодой специалист, агроном первого послевоенного выпуска сельхозтехникума, фронтовик Василий Иванов был направлен на работу в колхоз «Новый путь». Дали пустую с войны избу. Агрономом он оказался грамотным. Даже бедные колхозные поля, которые и удобрять-то было нечем, при правильно налаженном им севообороте стали хоть что-то давать. Тогдашней председателше колхоза, бабе Иришке, в районе частенько влетало за неграмотные отчеты. Чтобы поправить дела, пришлось ей Василию сделать своим заместителем. Он быстро разобрался с отчетами и другими колхозными бумагами. Дела и с этим пошли лучше. Во всем колхозе он оказался единственным специалистом с партийным билетом, полученном еще на фронте. Через четыре года партийное руководство района на колхозном собрании решило выдвинуть кандидатуру Василия для избрания председателем колхоза. Проголосовали тогда за него все. Так и стал Василий председателем колхоза «Новый путь» и называть его с тех пор стали почтено Василий Кузьмич.

Бабником Василий не был. Хитрый, разворотливый конюх дядя Степан быстро смекнув, что девками Василий не был избалован, решил сосватать за него свою засидевшуюся в девках мужиковатую, но работающую старшую дочь Вальку. То в избу к себе позовет чайку попить, то Вальку с каким гостинцем пошлет. Однажды, когда на колхозном празднике все хорошенько подпили, дядя Степан отправил Вальку помочь довести Василия до дома. А она не только довела его до дома, но и спать уложила вместе с собой. Так Валька и женила на себе будущего председателя колхоза. Правда, радовался Дядя Степан недолго. Через полгода он преставился.

Поначалу супруга председателя устраивала. За ней он жил, как за мамкой, не зная никаких домашних дел и забот. Но с годами Валька становилась всё сварливее. Если Василий Кузьмич приходил домой хоть чуть навеселе, не помогали никакие гостинцы, привезенные из райцентра. Валька не только дико орала на него, она могла и заехать тем, чем под руку попадет, да еще и как следует.

Единственный их сын Витька сразу же после школы уехал в город и поступил в техникум учиться на агронома. Город ему так понравился, что он старался не приезжать к родителям даже на каникулы.

* * *

Запах свежей масляной краски в райкоме партии наводил тоску. Главный партийный начальник, Иван Михайлович Фёдоров, выступавший недолго, под конец напомнил руководителям колхозов и совхозов об отсутствии выдвигаемых инициатив по соцсоревнованию.

«Так нельзя, товарищи!», – подытожил он, дав две недели сроку.

Председатели колхозов и директора совхозов в перерыве смотрели друг на друга, как злейшие враги, зная, что в их рядах обязательно найдется какой-нибудь гадёныш, который, как всегда, все испортит, выдвинув очередной глупый лозунг типа «Удвоим или даже утроим показатели!». Уже и так наудваивались и наутраивались, что никто не знал, как выкручиваться и как отчитываться по поводу сдачи этого нереального тройного урожая. Хорошо понимая это, Василий Кузьмич смикнутил, что примерно надо сочинить. Лозунг должен быть таким, чтобы выглядел призывно, но никого не загонял в угол с дурацкими невыполнимыми показателями. «Как в воду глядел», – подумал он о том, что упредив события, дал неделю своим колхозникам на придумывание вариантов лозунга.

* * *

В колхозном клубе было шумно. За столом, накрытым красным кумачом, сидели председатель, парторг Афонин и завклубом Савелич. Посмотрев на часы-ходики на стене, Савелич встал, потребовал тишины и начал:

«Товарищи! Сегодня мы собрались по поводу выработки предложения по нашему лозунгу, касаемо уборки урожая и сдачи его государству! Слово предоставляется нашему председателю Василь Кузьмичу!»

«Дорогие колхозники! Неделю назад я решил объявить конкурс на лучший лозунг от нашего колхоза! Сейчас мы послушаем всех, кто что подготовил и выберем лучший!».

Народ зашумел. Каждый хотел высказаться. Савелич, немного успокоив колхозников, начал давать слово по порядку. Парторг записывал предлагаемые колхозниками лозунги. Председатель что-то помечал химическим карандашом в амбарной книге, которую достал из портфеля.

«Мой лозунг лучше!», «Нет, мой!», – пытались перекричать друг друга раскрасневшиеся колхозники.

Дали слово Микичу. Непрерывно моргая глазами и шмыгая носом, Микич начал говорить:

«Вот я, простой колхозный телятник, хоть и старый человек, но я тоже решил поучаствовать в нашем конкурсе!»

«Куда тебе, старый дурень! На завалинке уж сидеть пора да байки внукам рассказывать!», – выкрикнула Надька Рыбакова.

«Дайте сказать Микичу, товарищи!», – вступился парторг.

Микич продолжил: «Так вот я предлагаю лозунг: «Принимай, партия, наш рекордный урожай!»»

Где-то часа два, перебивая друг друга, еще покричал народ. Председатель с парторгом Афониным о чем-то переговаривались, помечая что-то на листке бумаги.

Савелич попросил тишины. Председатель взял слово:

«Уважаемые колхозники! Мы тут посоветовались и решили за основу взять лозунг, предложенный нашим телятником дедом Микичём! Правда, это еще не совсем тот лозунг, над ним надо будет поработать!»

Народ зашумел. Савелич поспешно объявил, что мероприятие закрыто.

Председатель и парторг Афонин, выждав, когда все разойдется, пошли посидеть-покумекать в правление колхоза.

«Слушай, Кузьмич!», – вдруг осенило Афонина. – «Ведь в этом году был партийный съезд. Вот я думаю, что лозунг можно немного подправить таким макаром: «Наш рекордный урожай Родине в год партийного съезда! <>»

«Звучит? Как оно, Кузьмич? Против такой идеи никто и не пикнет! Ведь это Съезд, как-никак!»

«Очень даже неплохо! Главное, нет удвоенных и утроенных перевыполнений плана. Если наш лозунг пройдет, с нами соседи дружить будут, даже в гости ездить начнут. А то все председатели и директора смотрят друг на друга, как серые волки. Вот, пожалуй, с этим лозунгом и в район можно ехать!»

Налили по стакану самогона. Выпили и разошлись по домам.

Настроение у председателя было хорошее. Он шел домой, размахивая своим пупырчатым портфелем, в котором лежал листок бумаги с заветным лозунгом. Навстречу на велосипеде пронесся местный хулиган Валерка. Обычно в таких случаях для Валерки был приготовлен дежурный подзатыльник, но по причине хорошего настроения, председатель только погрозил ему пальцем. Обычно Валерка болтался по деревне вместе со своим другом, таким же, как и он, хулиганом Женькой. Однако сегодня мать загнала Женьку в дровяной сарай укладывать поленицу, которую он сдуру разрушил накануне.

Когда Валерка и Женька собираются вместе, держись деревня, держись колхоз! То у кого-нибудь кур разгонят, потом ищи их по всей округе, у бабы Юли кошку непонятно зачем красной краской покрасили. Потом вся деревня стала называть и кошку и бабу Юлю Большевичкой. Женьку деревенские еще называли «Женька-драный зад». А история была такая: однажды во дворе у Егоровых, когда они работали в поле, друзья решили подразнить их пса Бантика. Бантик был стар и ленив, но когда Женька стал бить по собачьей миске палкой, пес такой наглости не выдержал, и с неожиданной для него прытью выскочил из будки и вцепился Женьке в задницу. Опешивший Валерка бросился наутек, а Женьку отбил от собаки проходивший мимо конюх Коля Семёнкин. Женькину мать срочно вызвали домой, дали лошадь с телегой и она повезла горе-хулигана в соседнюю деревню к фельдшеру. Фельдшер обработал и зашил рану, а Женька прославился на все окрестные деревни и села. Родители стали пугать ребятишек, рассказывая, как опасно дразнить собак – и ведь случаев покусов стало намного меньше.

* * *

В райкоме партии был перерыв после первой части совещания партхозактива. После духоты помещений народ вышел на улицу. Правда и на улице было жарко, но легкий ветерок всё же немного освежал. Все ждали второго вопроса по поводу принятия районом лозунга соцсоревнования. Каждый колхоз и совхоз сдал свою бумагу с предложением еще с утра. Над всеми поданными предложениями колдовала рабочая группа. Поданные лозунги предварительно не озвучивались, и каждый из председателей колхозов ждал очередного безумного подвоха. Какой придурок что предложит? Может какой-нибудь гадёныш додумается вообще до пятикратного перевыполнения плана по сдаче урожая государству. Председатели колхозов даже не кучковались, каждый стоял по одиночке, кто покуривая, кто читая газету или журнал, а кто-то побежал к пивному ларьку, пытаясь успеть за время перерыва попить пивка. Василий Кузьмич посмотрел на часы. Пора было возвращаться на продолжение совещания.

За столом президиума усадили объявленный еще с утра состав. К трибуне вышел руководитель рабочей группы:

«Товарищи! По результатам рассмотрения поданных в нашу рабочую группу предложений нами как наиболее удачное и всеобъемлющее выбрано предложение колхоза «Новый путь» из Заречья! Звучит оно так: «Наш рекордный урожай – Родине в год партийного съезда! «»

У председателя застучало в висках. Руководитель рабочей группы предложил Василию Кузьмичу пройти в президиум. Василий Кузьмич, смущаясь и раскрасневшись, уселся на заранее подготовленное за столом президиума место.

Оторопевшие в ожидании очередного подвоха присутствующие вдруг неожиданно для себя поняли, что лозунг-то для всех удобен. Здесь нет ничего о перевыполнениях плана, здесь не идет речь о каких-то безумных показателях. Речь в лозунге просто идет о трудовых рекордах. А рекорд слово громкое, но расплывчатое. Ну сдали урожай и сдали. Много сдали или мало... Ну, назвали рекордом и назвали, что сдали, то и сдали! И не надо ломать голову, как намухлевать это дурацкое перевыполнение? Откуда чего взять, когда на полях и так-то толком ничего не растет, а коровы дают молока меньше, чем козы?

На лицах присутствующих стало возникать просветление. Началось с каких-то робких хлопков, затем, захлопал весь зал, потом все это превратилось в овацию! Кто-то даже закричал: «Ура!»

В зале для совещаний райкома у стены стоял вроде как шкаф. Однако это была такая декоративная отделка этой части стены со шкафообразным выступом, где одна дверца была ложная, а вторая дверца этого «шкафа» была самая настоящая дверь, которая соединяла зал с кабинетом районного партийного руководителя товарища Федорова. Такая своеобразная шкафообразная отделка стены и эта смешная дверь была идеей и гордостью районного партийного начальства. Среди руководителей хозяйств, часто посещавших райком, первого секретаря Райкома партии быстро окрестили «человеком из шкафа».

«Шкаф» открылся, из него вышел седоватый человек и быстро, заученным путем, прошел к трибуне. Рассказав, какую важную роль играет социалистическое соревнование между хозяйствами, и какими темпами благодаря этому развивается экономика страны, первый секретарь обратился к Василию Кузьмичу:

«Василий Кузьмич, от имени партийного руководства нашего района разреши вручить тебе Почетную грамоту!» Овации в зале было не унять.

Первый секретарь продолжил:

«Твой, Василий Кузьмич, лозунг мы еще и в область отправим»!

Во время овации первый секретарь незаметно удалился, зайдя снова в свой «шкаф».

К трибуне снова подошел председательствующий, руководитель рабочей группы, и объявил, что все присутствующие приглашаются на ужин в райкомовскую столовую, а после ужина состоится закрытый просмотр зарубежного художественного фильма. Кто-то спросил, о чем фильм-то будет? «Про любовь», – ответил председательствующий. Интересно, интересно, какая у них там за границей любовь, зашумел народ.

После совещания Василия Кузьмича обступили другие председатели колхозов. Стали искренне поздравлять, жать руку. Такого еще никогда не было. Все понимали, какая гора свалилась с плеч. Люди вдруг стали совсем другими. Стали даже к себе в гости приглашать, обещая хорошую пьянку на природе. Кто-то звал на рыбалку, кто-то на охоту.

* * *

Попужинав, народ стал возвращаться в зал совещаний на просмотр кинофильма. Кто-то подшучивал, какую-то покажут ихнюю любовь? Интерес еще больше подогрел кто-то, бывший на другом, состоявшемся недавно районном мероприятии. Он собирался уезжать, так как этот кинофильм он уже посмотрел, сказав лишь второпях, с загадочной улыбкой, что фильм этот о гондоне. Услышав до боли знакомое слово, ошарашенный народ стал рассаживаться по креслам в предвкушении чего-то такого захватывающего.

Погас свет, застрекотал кинопроектор и на экране появилось название фильма «Любимый мой Гонджон». У народа перехватило дыхание.... Никто даже не успел понять, чьего производства этот фильм.

Заиграла какая-то мяукающая восточная музыка, замелькали горные пейзажи, долины с плантациями чая, лимонов и каких-то других невиданных растений, а россыпи разнообразия цветов на полях и лугах просто кружили голову.

Среди цветущего поля вдруг крупным планом возникла замотанная в тряпки чернявая девушка, которая своими ловкими руками собирала травинки, вязала из них какие-то веники, и укладывала в огромную копну.

Неожиданно девушка, бросив работу, встала во весь рост и жутким писклявым голосом нараспев запела. Голос за кадром стал читать перевод. В песне говорилось о том, как она любит свое поле и как ловки ее руки. Вдали показали соседнее поле с каким-то копошащимся там человечком. Девушка смотрит вдаль в сторону этого человечка и продолжает свою песню, уже пританцовывая босыми ногами. Голос за кадром переводит: «Милый мой Гонджон, однажды, когда я тебя увидела идущим по дороге, в моем сердце что-то кольнуло, и я стала каждый день думать о тебе!»

Показали крупным планом копошащегося в поле человечка. Это был молодой черно-волосый парень в какой-то непонятной замусоленной рубахе и штанах с короткими штанинами. Лицо его было каким-то напугано-глуповатым. Он выкапывал какие-то клубеньки. Под мелодию плохо настроенного и противно дребезжащего струнного инструмента парень начал петь о том, какой в этом году прекрасный урожай земляного ореха, и теперь от мала до велика все будут сыты. Парень каждый день копал орехи каким-то странным орудием похожим на кочергу, а девушка нарочито при каждом удобном случае проходила мимо него полевой дорогой, но парень был так сосредоточен то на кочерге, то на орехах, что совершенно не замечал девушку.

А в это время коварный дикий горный поросенок наблюдал из-за высокой травы своими маленькими хитрющими поросычьими глазками за копошащимся парнем, выжидая, когда же он наконец-то устанет и уйдет домой.

Ранним утром девушка снова в поле, только уже не собирает свою траву, а как-то замысловато танцует, выделявая своими грязными босыми ногами такие пируэты, что запутался бы лучший чечеточник. Её визгливая песня говорила о том, что любимый Гонджон уже наполнил всю ее душу до краев, и она, бедняга, покоя не знает, все больше и больше думая о нем.

В зарослях кустов притаился огромный тигр. Холодным взглядом он наблюдает за поющей и пританцовывающей девушкой и так аппетитно облизывается, будто бы его угостили конфеткой за хорошее поведение и хотят дать еще одну.

Меняется картинка. То разводя руки, то охватывая ими голову со слипшимися немывыми волосами, парень взывает к небу. Оказывается, этой ночью коварный горный поросенок, изрядно потрудившись на его поле, выкопал и сожрал, аппетитно чавкая, огромное количество орехов. Пока парень убивался от горя, коварный поросенок отлеживался в зарослях, почесывая копытцем свое сытое щетинистое брюшко.

Снова показали парня. Почему-то от его горя не осталось и следа. Он вдруг стал петь песню о том, что ему совершенно не страшен злой и коварный поросенок, и как бы он не вредил его урожаю, орехов уродилось много и их все равно всем хватит, а поросенка они прогонят, привязав к палке, воткнутой в землю, пустые консервные банки.

На экране, витиевато перебирая босыми ногами, снова возникла танцующая девушка, которая взывала к своему возлюбленному Гонджону, упрекая его в том, что он как слепой не замечает ее, озаботившись лишь своим злосчастливым урожаем и как глухой не слышит ее проникновенных песен.

На экране снова возник Гонджон, ошипывающий какой-то кустарник. Судя по голосу за кадром, речь шла о кустарнике под названием Хна. Песня Гонджона на этот раз была о том, какая прекрасная листва удалась в этом году у хны, и если он нарвет много-много листьев и продаст жадному злодею-перекупщику, то заработает деньги и купит на них новую мотыгу. И какой бы жадный не был перекупщик, листьев хны он соберет так много, что все бабушки и прабабушки закрасят свои седины и станут красивыми и молодыми.

Снова показали тигра крупным планом. На этот раз он уже не ограничился наблюдением за песнями и танцами сельской девушки. Тигр встал и, постоянно облизываясь, не спеша пошел в ее сторону.

В это время коварный горный поросенок подготовил новую диверсию. Дождавшись, когда Гонджон уйдет домой, злодей-поросенок совершил свой очередной набег, но теперь уже на плантацию хны. Своим клыкастым рылом, он начал выворачивать корни несчастного кустарника, ища среди них съестное и постоянно аппетитно чавкая. При этом вредный поросенок поочередно чесал свои грязные щетинистые бока, сломав несколько столь дорогих Гонджону кустиков хны.

Горю Гонджона не было предела. Зазвучала песня о том, что весь мир ополчился против бедного, несчастного парня и, помимо жмота-перекупщика, ему постоянно пакостит злодей-поросенок, мешая ему заработать деньги на новую мотыгу. Но это не беда. Вот уже и на плантации хны парень втыкает кол с привязанными к нему пустыми консервными банками. Бойся, коварный поросенок! Мы тебя победим! Под звон барабана и бубенцов, парень выдал такую чечетку, что этого испугался бы, наверное, не только коварный горный поросенок, но и целое стадо свирепых носорогов.

Песня девушки на этот раз была совсем печальной. Из слов было понятно, что столь милый девушке Гонджон упорно ее не замечал, как девушка ни старалась вертеться в танце и петь о нем на распев своим тончайшим голосом.

У Гонджона теперь появилась новая забота. Ходя по коноплянному полю и слегка касаясь цветущих растений руками, он пел о том, какой богатый урожай конопли вырос на этот раз. Такой урожай сделает людей счастливыми, а его богатым. Он наконец-то купит себе новые сандалии и перестанет ходить босиком, вызывая зависть у всей деревни.

К смотревшему фильм Василию Кузьмичу пришла интересная мысль: «Орехи сделают людей сытыми, хна – красивыми, а конопля – счастливыми. Интересно, каким же образом конопля сделает людей счастливыми? Кому принесли счастье конопляные веревки, разве что тому, кто решил повеситься и исполнил свое желание. А может быть, еще какое-то другое счастье приносит конопля?» – Но о другом счастье, приносимом коноплей, Василий Кузьмич не знал.

Действие фильма начало принимать драматический разворот. Из зарослей кустарника вышел злой тигр и напрямик направился к ничего не подозревающей девушке, связывающей очередной веник. Вдруг, подняв голову, девушка прямо перед собой увидела обнажившего клыки тигра и упала в обморок. Музыка в фильме забила в истерику. Ничего не подозревающий Гонджон, находясь на соседнем поле, держал в руках кол с привязанными консервными банками и упрекал злосчастный кол в том, что он ему совсем не помог. Потом, правда, обвинения в адрес кола закончились. Оказывается, во всем виноват ветер, которого так долго не было, поэтому банки не звенели, и злодей-поросенок растоптал всю его коноплю. Теперь Гонджон не сможет сделать людей счастливыми, а новых сандалий ему не видать, как своих ушей.

В зале даже возник какой-то ропот. Мол, что же ты, братец Гонджон, поешь и не знаешь, какая опасность подстерегает девушку. Беги скорее, спасай! Но Гонджон продолжал петь о своей потоптанной дурацкой конопле.

Вдруг, глаза тигра на чем-то сосредоточились. Тигр, злобно зарывав и страшно оскалившись, совершил гигантский прыжок, перепрыгнув через несчастную девушку и понесся дальше. Оказалось, что коварный горный поросенок, теперь решил полакомиться травкой, которую собирала девушка-героиня фильма, но совершил оплошность, не заметив затаившегося тигра. Теперь эта оплошность вышла ему боком! Голодный тигр вприпрыжку погнался за своим любимым лакомством, а коварный горный поросенок, спасая нагулянный шпик и вообще свою несчастную жизнь, с диким визгом пустился что есть мочи наутек, проделывая в зарослях настоящую просеку.

Идущий со своего поля в деревню Гонджон вдруг увидел лежащую в обмороке девушку и склонился над ней. Девушка открыла глаза и... О, счастье! Она, вместо тигра, увидела склонившегося над ней своего возлюбленного.

«О, спаситель мой!», – произнесла она. Её высокий голос на распев, под аккомпанемент какого-то противно дребезжащего струнного инструмента, запел о храбром Гонджоне, спасшем ее от зубов злобного тигра и о том, что вместе с ним пришло большое счастье в ее сердце.

В конце фильма счастливая девушка с наконец-то полюбившим её и таким же счастливым Гонджоном, взявшись за руки, убегают куда-то вдаль за высокую траву.

После просмотра фильма Василий Кузьмич, идя к своему ГАЗику, подумал о том, что за весь фильм девушка связала всего пару веников из какой-то непонятной травки, а парень выкопал несколько земляных орехов и собрал какой-то пучок листьев хны. Зато пели и танцевали на всю катушку весь фильм. Значит, не только у нас в колхозе так. Вот и у этих так же.

* * *

Возвращаясь в свою деревню, председатель остановился у реки. Спросил у сидевшего с удочкой дяди Вити Черникова:

«Ну, как улов?» – Дядя Витя гордо поднял из травы кулан:

«Щучонка есть!» – На кулане была щука весом килограмма два.

Из-за излучины реки доносилась песня под гармонь про какой-то кохоз-навоз. Пел Васька Антонов. На гармонии Ваську научил играть сослуживец в армии. Васька служил на границе. Говорят, что на заставе служил с ним выпускник музыкального училища Колян Курочкин. Из всех ребят заставы к музыке проявил интерес только Васька. Он оказался способным учеником, освоив быстро не только гармонь, но и всякие народные пляски. Имея сильные ноги и хорошую выносливость, Васька мог танцевать вприсядку без усталости. Он без труда садился на одной ноге много раз. Под конец службы Васька кое в чем даже превзошел своего учителя Коляна. Двигаясь по кругу вприсядку, он еще и лихо играл на гармошке, выдавая такие коленца, что ахнуть можно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.